

Такие люди, как

Леня начал встречаться с Алисой в июне, когда Варя была в лагере – он сам об этом ей написал. Ле-о-нид, Али-са – легкие имена, подходящие друг другу. Когда их произносишь, как будто скользишь на санках с пологой горки. Совсем другое дело “Вар-ва-ра” – не имя, а борьба. Полет кувырком через камни и коряги. В “Айболите” была злая сестра Варвара. Именно так, тремя неразрывными словами, и Варе до сих пор было немного обидно за придуманную Варвару, которую заранее объявили злой.

Леня написал перед обедом, и Варя прочитала вместо ожидаемого “Как дела?” вот эту его новость. Постояла, переступила с ноги на ногу. Начала писать, что ок, это здорово. Удалила. Но не ответить было нельзя, там стоял значок “прочитано”. Снова написала, отправила, выключила телефон и пошла строить детей в столовую. На обед был борщ, гуляш и пюре. От борща резко пахло кислятиной. Второе было в принципе съедобное, только мясо жилистое. Его требовалось невыносимо долго жевать.

Алиса пришла в литстудию весной. Варя еще подумала: зачем сейчас-то? Уже бы с сентября. Но новенькая отбросила назад длинные светлые волосы и пояснила Евгении Васильевне и всем вокруг, что кружок ей нужен не для подготовки к ЕГЭ, как большинству, а так, для себя. “Из любви к искусству” шепнул Леня, и Варя еле заметно улыбнулась. Ей нравились такие отсылочки.

Алиса умела выступать: выражая свое мнение о произведении, не сбивалась и не мямлила. Она была красивая и стояла прямо, высоко подняв подбородок. Ей нравилось быть немного эпатажной, спорить с другими ребятами и даже с Евгешей.

– Считается, что Маяковский прямо с ума сходил по Лиле Брик, но на самом деле это все сильно преувеличено, – говорила Алиса, убирая за ухо светлую прядь. – У него было много женщин, а Лилю он добивался только потому, что не мог получить! Если бы она к нему ушла, он бы ее скоро бросил.

Евгеша сказала, что в студии принято делать акцент на творчестве поэта, отделяя его от личной жизни.

Алиса не согласилась:

– Я считаю, что любовная лирика напрямую зависит от личной жизни. Если б Маяковский не страдал, он бы и не написал ничего, Лиля прямо так и говорила. Как же можно отделять?

Евгеша хмыкнув, ответила, что, пожалуй, в таком подходе есть доля истины, и предложила высказываться. Алиса победоносно улыбнулась и села. Если б не эта улыбка, Варя бы, наверное, промолчала, как обычно. Но Маяковский на фотографиях с Бриками выглядел каким-то беспризорником: мрачный, большой, нескладный. Хотелось обнять его, погладить лобастую голову и сказать, что все будет хорошо, нужно только немного потерпеть.

Варя встала, чувствуя, как прыгает туда-сюда сердце.

– Мне кажется, такие люди, как Маяковский, особенно остро чувствуют одиночество. Это что-то вроде дыры внутри. И вот они... Им кажется, что какой-то конкретный человек может ее заполнить. И если с этим человеком ничего не получается, они бросаются к другим людям. Пытаются снова и снова.

– Ну, то есть получается, они используют людей, чтобы не мучиться от одиночества? – Алиса, мило улыбаясь, смотрела на Варю.

Все молчали. Варя смутилась, нервно сглотнула.

– Нет, это другое, – вдруг сказал Леня, – я думаю, у них нет другого выхода. Они так пытаются удержаться. Удержаться за кого-то.

Алиса перевела на на него взгляд, задумчиво прищурилась и сложила губы трубочкой, но ничего не сказала.

Тогда, после Маяковского, было сыро, начало мая оказалось неожиданно холодным и мокрым. Варя натянула капюшон. У Лени капюшона не было, он просто поднял повыше воротник пальто.

Немного поговорили про школу. Когда дошли до Лениного поворота, он не остановился:

– Я с тобой еще немного пройду.

Варя не удивилась: он и раньше иногда так делал. Осторожно спросила:

– Как дома?

Леня глубже нырнул в воротник и оттуда, из воротника, отозвался:

– Как обычно. Локальный апокалипсис.

Локальный апокалипсис на слух представлялся Варя прозрачным тугим яйцом, внутри которого существовали Ленин пьющий отец и усталая мать с двадцатилетней сестрой-тусовщицей. Сам Леня был непонятно где: то ли внутри, то ли снаружи.

– Все будет хорошо, – сказала она.

Получается, после Маяковского что-то происходило, а Варя этого не замечала. Или не происходило? И как вообще: обнимаются они, целуются или что?

Вечером была дискотека. Пятиклашки танцевали, поглядывая друг на друга. Варя села на скамейку. Подошел Боря, вожатый из первого отряда, любитель подтягиваний на турнике в любое время суток.

– Потанцевать не хочешь?

Варя немного растерялась: до этого они с Борей перекинулись парой фраз, не больше. Он был какой-то слишком уж мощный, большой и широкоплечий.

– Надо за ними присматривать. А то сам знаешь.

Боря согласился, сел рядом и стал длинно рассказывать, как он сам в детстве ездил в лагерь, как они все там бесились после отбоя. Варя вежливо улыбалась и кивала. Считала в уме то, что было давно посчитано: до конца смены оставалось восемь дней.

– Я что-то долго говорю, да? – вдруг спросил Боря, и Варя стало его жаль.

– Нет, это правда очень интересно.

Боря продолжил рассказ уже не так бойко, а потом вдруг легко предложил:

– Слушай, а дай мне свой телефон. А то разъедемся и потеряемся, хоть и в одном городе.

Мама была на сутках и встретить Варю не могла, пришлось добираться с автовокзала самой. Дома все было вроде бы как всегда, но в то же время и по-другому, словно за время Вариного отсутствия квартиры стала чужой. Так бывает: когда

уезжаешь надолго, выключаешься из жизни вещей. С ними без тебя происходят разные изменения – что-то может сломаться, потеряться или выйти из моды. Могут купить что-то новое, а ты об этом и не знал. Это нормально, ведь ничего не вечно. Просто требуется немного времени, чтобы привыкнуть заново. Совсем немного.

После того сообщения Леня писал еще один раз. Варя ответила, что дела у нее идут хорошо, только совершенно нет времени ни на что. Боря написал тоже, и ему она тоже ответила, что пойти никуда не может, очень некогда.

Лето шло себе зачем-то и шло. В субботу была студия. Варя полежала на полу перед своей кроватью и решила не идти. Пока или совсем, непонятно.

Леня написал:

- Почему ты не пришла?
- Некогда. Маме нужно было помочь.
- Все нормально?
- Конечно.

В следующую субботу Леня позвонил.

- У тебя точно все нормально?
- Точно. Просто у нас... ремонт дома.

Интересно, что врать было не противно, даже чувствовалась какая-то злость, как будто правда у человека ремонт, а его достают, отрывают от дела.

- Ну и... Ты что, вообще больше не будешь ходить, что ли?
- Почему? Буду. Наверное. Просто пока не получается, некогда.

Леня замолчал, в этом молчании ощущалась растерянность. Варя, не отнимая телефона от уха, легла на пол, так было легче. Хотелось уже закончить, поэтому она вежливо спросила:

- У тебя все хорошо?
- Ну... Нормально. То есть... Я думал, мы увидимся, поговорим.
- Пока не получается.
- Варь, – сказал Леня после новой паузы, – слушай, но мы же все равно будем...

Варя, крепко зажмурив глаза, бодро перебила его:

- Конечно!

И уже тише повторила:

- Конечно. Ты извини, мне пора бежать. Пока!

Она еще полежала с закрытыми глазами. Потом села, нашла переписку с Борей, перечитала. Написала сообщение. Подумала, удалила. Отложила телефон, встала и подошла к книжному стеллажу. Постояла в раздумье, вытянула книжку за корешок. Залезла на кровать, укрылась пледом.

Зазвенел дверной колокольчик, Элизабет не знала, кто там, а это оказался мистер Дарси. Как его звали-то? Неважно. “Мистер Дарси” звучало подходяще.